

На следующий день, кабинет в Восточном дворце.

Послеполуденное солнце пробивалось сквозь изящные оконные переплеты, мягко ложась на гладкий золотистый кирпич пола. В воздухе витал легкий аромат туши и характерный запах рисовой бумаги — атмосфера разительно отличалась от вчерашней ночной гнетущей напряженности.

Сяо Цзинъянь сидел за широким столом из сандалового дерева. Облаченный в домашнее одеяние цвета лунного света, он выглядел еще более утонченным, однако едва заметная синева под глазами выдавала, что минувшей ночью ему вряд ли удалось сомкнуть глаз. Перед ним был разложен лист первоклассной рисовой бумаги. Держа в руках кисть из волчьего волоса, он, опустив взгляд, сосредоточенно выводил последние детали картины.

Сяо Линьцзы стоял неподалеку, бережно придерживая древнюю тушечницу и плавно растирая тушь. Его поза оставалась покорной и смиренной, он держал голову опущенной, ничем не отличаясь от любого другого маленького евнуха, прислуживающего при письменном столе. Лишь его взгляд, порой стремительно скользивший по бумаге, был острым и сосредоточенным — всё его внимание было приковано к тому, что рождалось под кистью наследного принца.

В кабинете слышалось лишь тихое шуршание бруска туши о камень да легкий шелест кисти по бумаге. Это была странная тишина, словно все внешние интриги, коварные замыслы и отблески клинков были временно отсечены от этого пространства, наполненного духом книжности.

— Готово, — спустя долгое время произнес Цзинъянь, откладывая кисть и с облегчением выдыхая.

Сяо Линьцзы вовремя подал теплое влажное полотенце, чтобы принц мог стереть возможные пятна туши с пальцев, а сам тем временем перевел взгляд на законченную картину.

На полотне был изображен унылый осенний пейзаж. Острые скалы, сухие искривленные деревья, свинцовое небо, предвещающее скорую бурю. У подножия гор замер холодный пруд, его поверхность подернута рябью, в которой дрожало разбитое отражение гор. Картина дышала одиночеством и запустением, но техника исполнения была безупречна — мастеру удалось в полной мере передать гнетущую, тревожную атмосферу.

Однако в этой серой палитре была одна крайне контрастная деталь: крошечная сосенка, упрямо пробившаяся сквозь расщелину в крутом утесе. Несмотря на хрупкость, она стояла прямо, а ее хвоя была старательно выписана художником в сочных зеленых тонах, отчего на фоне общего увядания выглядела особенно неожиданно и ярко.

Цзинъянь вытирал руки и заговорил как бы невзначай, голос его звучал ровно:

— Выдалась свободная минута, вот и решил помарать бумагу. Что скажешь об этой работе?

Началось. Сяо Линьцзы понимал: это вовсе не простое рисование от скуки и не пустое обсуждение искусства. После вчерашних расспросов это была очередная, более тонкая проверка. Проверка его проницательности, его внутреннего состояния и того, способен ли он на самом деле понять скрытую безысходность и борьбу хозяина Восточного дворца.

Он внимательно всмотрелся в картину, мысли лихорадочно неслись в голове. Спустя мгновение он сделал шаг вперед и произнес негромко, но четко:

— У Вашего Высочества великолепная техника и глубокий замысел. По моему скромному разумению, картина лишь на первый взгляд кажется осенней зарисовкой перед бурей, на самом деле... в ней сокрыт тайный смысл.

— Вот как? — Цзинъянь приподнял бровь и жестом предложил ему продолжить.

Сяо Линьцзы указал на разбитое отражение в пруду:

— Рябь на воде, искаженное отражение — словно намек на внешние неурядицы, не дающие обрести покой. — Его палец сместился к сухим деревьям: — Растения увядают, но их ветви изогнуты с такой силой, будто они до сих пор ведут безмолвную борьбу. — Наконец, он коснулся крошечной сосны в расщелине скалы, и тон его стал предельно серьезным: — А эта зеленая краска, добавленная здесь, посреди такой обстановки, кажется неуместной, но именно она — душа всей картины. Утес тяжел, он теснит пространство, буря вот-вот разразится, кругом таятся опасности. Но деревце, хоть и мало, крепко держится корнями за расщелину, стоит прямо — это ведь не что иное, как несломленная жизненная сила посреди безнадежности, стремление тянуться к свету.

Он помолчал и подытожил:

— Снаружи — увядание, внутри — стальной хребет. Ваше Высочество написали не картину печали, а... манифест воли.

Последние четыре слова он произнес едва слышно, но каждое из них прозвучало отчетливо.

Рука Цзинъяня, державшая полотенце, слегка дрогнула. В его глазах промелькнуло неподдельное удивление, сменившееся сложным, невыразимым чувством. Он не ожидал, что этот маленький евнух окажется настолько проницательным! Тот не только разглядел внешнюю угрозу, но и точно уловил ту стойкость духа, которую он, используя образ сосны, пытался выразить — и о которой почти никогда не говорил вслух.

Подобная проницательность, подобное понимание — не то, что присуще обычному слуге.

В кабинете снова воцарилось молчание, но теперь оно было иным. Это уже не была просто тишина — в ней бурлило невидимое течение, столкновение и взаимное подтверждение двух острых умов на клочке бумаги.

Лишь спустя долгое время Цзинъянь медленно произнес, и в его голосе уже не было прежней отстраненности:

— Не думал, что ты сможешь понять.

— Я позволил себе лишнее, прошу Ваше Высочество о снисхождении, — Сяо Линьцзы тут же опустил голову.

— Вины нет, — Цзинъянь отложил полотенце и вновь посмотрел на картину, в его тоне слышалось некое сожаление: — В этом дворце слишком мало тех, кто способен понять. — Он задержал взгляд на сосне и вдруг добавил: — Раз уж ты понял, убери ее. Но... в футляр не клади.

Сяо Линьцзы всё понял. Раз не нужно убирать в футляр, значит, картина — не для любования, у нее может быть иное назначение, либо же принц просто не хочет, чтобы ее легко обнаружили. Он почтительно ответил:

— Слушаюсь. Я надежно ее припрячу.

Он подошел, бережно взял лист за края, дождался, пока тушь окончательно высохнет, и аккуратно свернул. Однако, в отличие от обычных свитков, он не стал перевязывать ее лентой, а нашел неприметное место наверху книжной полки и положил картину под углом — так, чтобы она не бросалась в глаза, но при необходимости ее можно было легко достать.

Пока он это делал, Цзинъянь молча наблюдал, не высказывая ни упреков, ни одобрения. Однако последние крупницы сомнения в его глазах, похоже, наконец рассеялись.

Когда Сяо Линьцзы, закончив, собрался отступить на свое место, его взгляд случайно упал на угол стола, где лежали черновики принца. На одном из листов раз за разом были выведены одни и те же иероглифы, причем почерк менялся от ровного к нервному и беспорядочному.

Это были иероглифы: Управление строительства.

Зрачки Сяо Линьцзы едва заметно сузились. Значит, принц запомнил его вчерашнее упоминание об Управлении строительства и все это время размышлял над этим. Эти повторяющиеся строки выдавали тяжелые думы и давление, скрытые за спокойным фасадом наследника.

Он тут же отвел взгляд, делая вид, что ничего не заметил, опустил голову и вернулся на прежнее место, продолжая молча растирать тушь.

Цзинъянь, казалось, не заметил его секундного замешательства. Он сам смотрел на черновики, машинально постукивая пальцами по столу, сдвинув брови — он явно продолжал обдумывать, как распутать эту тонкую нить, ведущую к Управлению строительства.

Спустя еще некоторое время Цзинъянь, видимо, утомился и махнул рукой:

— Тебе здесь больше не нужно быть. Фэн Цзин прислал старые архивы — копии записей о дворцовой утвари, они лежат в боковой комнате. Сходи разбери их и разложи по категориям.

— Слушаюсь, Ваше Высочество, — Сяо Линьцзы почтительно поклонился, отложил брусок туши и вышел из кабинета.

На улице послеполуденное солнце слепило глаза. Сяо Линьцзы слегка прищурился, но в душе у него была полная ясность. Разобрать старые архивы? Это вовсе не простая черная работа. Принц явно дает ему повод получить доступ к документам, где могут храниться сведения о сотрудниках Управления строительства и движении материальных ценностей! Он предоставляет ему полномочия и удобный случай для расследования, при этом делая всё настолько скрытно.

Этот наследный принц гораздо глубже, расчетливее и осторожнее, чем кажется на первый взгляд.

Он глубоко вдохнул и направился к боковой комнате. Шаги его были тверды, а в голове уже начал выстраиваться план: как использовать эту возможность, чтобы в гуще старых бумаг найти сведения о происхождении того евнуха, который принес чай, и о тех, кто стоит за его спиной.

В то же время перед его глазами вновь возник образ с картины — одинокая сосна, упрямо стоящая в разгар бури.

Принц выразил свою волю через картину, а что же он, Сяо Линьцзы? Где его жизненный путь?

Возможно, именно здесь, в этом полном опасностей Восточном дворце, рядом с этим принцем, чьи мысли так трудно постичь и который сам оказался в ловушке.

Он толкнул тяжелую деревянную дверь, и в лицо ударил запах пыли и ветхой бумаги. Взглянув на горы свитков, Сяо Линьцзы блеснул глазами.

Поиск начался. И он смутно чувствовал, что его толкование картины только что помогло ему пройти очередную безмолвную проверку принца. Хрупкое доверие, основанное на интеллектуальном резонансе, начало зарождаться между ними.

Только вот в глубине этого дворца сколько еще ударов судьбы сможет выдержать этот росток?